

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОДХОДА К. КУРОКАВА К ФОРМООБРАЗОВАНИЮ

Нещадим М.Е.¹, Самойлов К.И.²

¹Нещадим Маргарита Евгеньевна – бакалавр архитектуры, магистрант,
факультет архитектуры;

²Самойлов Константин Иванович – доктор архитектуры, профессор,
Международная Образовательная Корпорация
Казахская головная архитектурно-строительная академия,
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: данная статья рассматривает эволюцию творческого подхода одного из самых известных архитекторов Японии Кисё Курокава. Разработанный им подход позволяет создать «живую» архитектуру, способную к развитию, самосовершенствованию и приспособлению к окружающей среде. Кроме того, Курокава решает задачу соединения (симбиоза) японской культуры, традиций и западной архитектуры. Оно предполагает гармоничное сосуществование архитектуры и окружающей среды. В последние годы жизни Курокава рассуждает о переходе от эпохи Принципа Машин к эпохе Принципа Жизни, важной составляющей которой станут симбиотические отношения человека и природы, архитектуры и окружающей среды.

Ключевые слова: архитектура, формообразование, метаболизм, симбиоз, постмодернизм, Кисё Курокава, архитектура Японии.

«Связь с природой, простота, идея традиций — всё что нужно, чтобы делать современную архитектуру» — говорил японский архитектор Кисё Курокава [1, с. 113].

Архитектура К.Курокавы – это выразительные формы и процесс формообразования буквально в любом объекте. Он считал, что современная архитектура – это отражение культурных особенностей региона, уникальность места. Курокава с помощью неповторимых живых форм и своеобразно используемых материалов работает на будущее мировой архитектуры, при этом в своих постройках мастер сохраняет эмоциональность и присутствие лёгкой поэзии.

При жизни К. Курокава считался не только одним из известнейших архитекторов, но и философом. Он автор большого количества статей и книг, наиболее известные труды – «Городское проектирование» 1968 г., «Метаболизм в архитектуре» 1977 г., «Концепция пространства» 1978 г., «Философия симбиоза» 1993 г., и прочие.

Кисё Нориаки Курокава родился в 1934 г. в префектуре Айти в семье архитектора Мики Курокавы. Окончил Киотский университет (1957) и под руководством Кэндзо Тангэ окончил токийский университет (1964), получив докторскую степень.

К. Курокава совместно с единомышленниками, среди которых К. Кикутакэ, Ф. Маки, М. Отаки, становится основателем архитектурного движения – «метаболизм» и «метаморфоз». [1, с. 46] Впервые это направление появилось на Международном конгрессе дизайна в Токио в 1960 году. Концепция «метаболизма» призывает к развитию органических тенденций в архитектуре. Курокава рассматривает город в качестве живого организма, не так, как Ле Корбюзье, называя дома «машинами для жилья». Архитектура, подобно биологическим структурам, не должна быть статичной. Курокаву интересовало не замкнутое в себе здание, а группа форм, служащая структурным каркасом. Подобно большому живому организму, способному развиваться, совершенствоваться, адаптироваться к социальным, экономическим и другим изменениям в образе жизни людей.

Метаболический подход – это способ решить проблему старения архитектуры. С одной стороны, метаболический подход футуристичен, то есть будет происходить адаптация ко всем изменениям в жизни людей. С другой стороны – это обращение к истокам и традициям японской культуры, в которой сформировалась концепция дома как принципиально временного объекта.

Классический пример метаболического направления – «Капсульная башня Накагин» (Рис.1) в Токио (1970-1972 гг.). Здание состоит из основания (ствола) - двух бетонных башен (11-ти и 13-ти этажей) с закрепленными на них 144 стальными модулями-капсулами (листья) с внешними размерами 4,2 – на - 2,6 – на - 2,5 м. Каждый из модулей является автономной единицей, квартирой или офисом, оснащенный санузлом, всем необходимым бытовым оборудованием, трансформируемой мебелью.

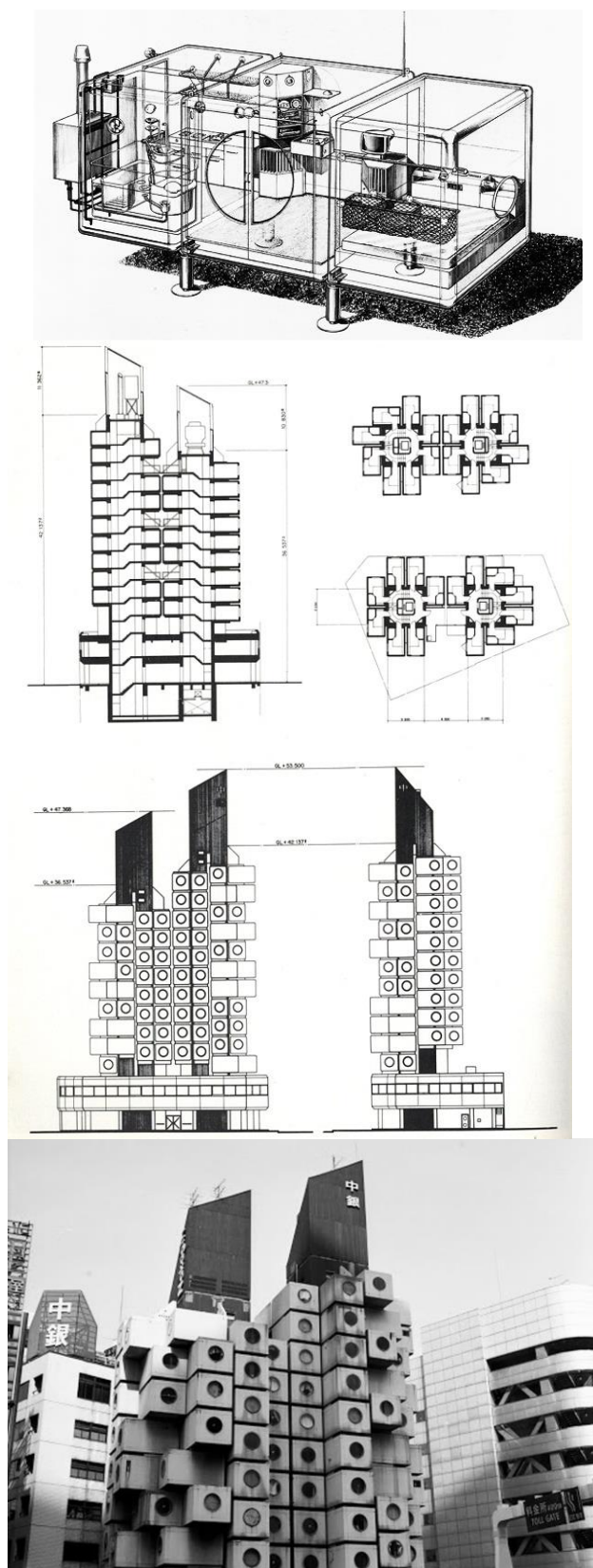

Рис. 1. Капсульная башня Накагин, Токио [6, с. 106-109]

Интерьер напоминает уникальный футуристический дизайн 1960-х гг. Однако возникла проблема организации спального места. Оно должно располагаться достаточно неудобно на полу, так как при нормальном положении его поверхность находится на уровне открывающегося окна, что небезопасно. Капсулы могут быть связаны и объединены в целях создания большего пространства. При необходимости такие квартиры можно легко заменить. Замена капсул в японском понимании – это не

имиджевая акция. Здесь метаболизм внезапно вскрыл глубинную культурную и религиозную основу японского общества – принцип непостоянства. Однако парадоксально, что именно в этой постройке наиболее ярко проиллюстрирован тезис Ле Корбюзье о машине для жилья: как отмечает А.В. Иконников, «Формула «дом – машина для жилья» получила здесь буквальное воплощение. Механическая, жесткая заданность всех бытовых процессов, определенная как тесными габаритами капсул, так и избытком оборудования, производит гнетущее, жутковатое впечатление. Для живущего здесь нет выбора – он должен подчиниться функциональной программе, которую заложил в структуру жилища архитектор. Дом кажется овеществлением одной из антиутопий «Аркигрэма», если относиться к нему всерьез, а не воспринимать как дорогую механическую игрушку, которой, по-видимому, он и служит, – большая часть его капсул раскуплена состоятельными токийцами в качестве второго жилища» [2, с. 209-210]. Метафора непостоянства превращает эту постройку, по определению Ч. Дженкса в «дом-голубятню» [3, с. 40].

В то же время возникает кризис этого направления в архитектуре. Курокава начинает отказываться от концепции метаболизма и начинает развивать «метаморфоз». По его мнению, между постройкой и окружающей средой всегда должно оставаться некое «промежуточное пространство». Архитектор все больше придерживается мысли о том, что современная архитектура должна следовать принципам, составляющим сущность японской культуры, остающимся неизменными на протяжении многих веков. Интересен в этом отношении описанный Курокавой японский архитектурный стиль Сукия, использующий метод применения исторически сложившихся принципов формообразования в сочетании с новыми технологиями и материалами. [5, с. 109,113]. Нешадно критикуя архитектуру модернизма и всю западную архитектуру, обвиняя последнюю в состоянии «фундаментальной оппозиции к природе», Курокава сосредотачивает «усилия на том, чтобы найти в симбиотичной японской традиции то, что может внести свой вклад в будущее архитектуры мира». Он предполагает новый тип межкультурной архитектуры, существующей в симбиозе с окружающей средой.

Раскрывая представления о красоте в культуре Японии, мастер создал собственную философию архитектуры, основанную на включении в произведение «серых зон». Он умышленно апеллировал к серому цвету и «серым зонам» в здании, делая акцент именно на них. Под «серой зоной» Курокава понимал промежуточное пространство, которое нельзя отнести ни к внешнему, ни к внутреннему – оно является срединным элементом, той промежуточной зоной, которая помогает взаимопроникновению противоположностей, гармонизируя их.

Своим творчеством архитектор демонстрировал возможности серого цвета, отказываясь от ярких красок в пользу более сдержанных серых оттенков. Серый предьявляется в работах мастера как цвет, создающий в архитектурных произведениях качественные характеристики, наполняющий их содержательными образами, встраивающий произведения в ряд традиционно осмысляемых. Выбранный цвет подчеркивает естественную фактуру используемых материалов – бетона, металлических конструкций. Прежде всего, именно цветовое решение раскрывает понимание архитектором традиций своей культуры и способствует более полному восприятию его творений.

Вторым приемом, помогающим в достижении симбиоза между внутренним пространством здания и внешней средой, Курокава называл «обратимость» или взаимопроникновение. Примером может послужить введение в архитектуру здания элементов естественного ландшафта или символическое моделирование природы.

В запроектированной им Тихоокеанской Башне (Рис.2) в Париже, «пространством», о котором говорит Курокава, послужили ее огромные ворота. Эти ворота, во-первых, подготавливают посетителя к переходу во внутреннее пространство башни, а во-вторых, готовят его к «вознесению» вверх по лестнице. То есть в «теории метаморфоз» сохранилась традиционная схема японского дома, предусматривающая это самое «промежуточное пространство» перед входом. Решетчатый фасад здания отдаленно напоминает сёдзи. В то же время кривая поверхность фасада в чем-то похожа на «правильную» каменную кладку средневековых крепостных башен.

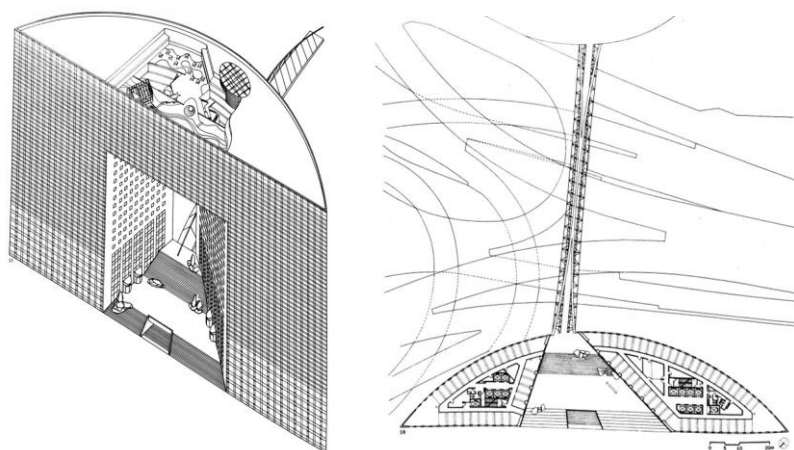

Рис. 2. Тихоокеанская башня (The Pacific Tower), Париж [7]

Далее в 1980-е гг. К.Курокава решает на соединение (симбиоз) национальных традиций и западных архитектурных стандартов постмодернизма. В основе этой идеи лежит отображение духа традиционной японской архитектуры в современной застройке, соединение «конфликтного» и «противоположного». Постмодернизм в понимании Курокавы выступает периодом переосмысления ценностей западной культуры, когда вектор развития европейской цивилизации меняется. При этом в условиях культурной и социально-экономической глобализации проблема определения пути дальнейшего развития становится общечеловеческой и может предполагать единое решение. Концепция симбиоза, таким образом, представляет собой любопытный сплав разнородных идей, с одной стороны находя своё обоснование в буддийском вероучении, с другой – восходя к базовым понятиям постмодернистской европейской философии.

Одним из интересных градостроительных проектов мастера (фирма «Kiso Kurokawa Architect & Associates») стала эскиз-идея центра новой столицы Казахстана (1998 г.). Здесь было продемонстрировано несколько новых подходов: «Формы отдельных элементов элементов застройки нового административного центра базировались на «Абстрактном Символизме» («Abstract Symbolism»)» сфер, конусов, цилиндров, пирамид, призм, гиперболических параболоидов. Развитие города в целом предлагалось по линейно-параллельной схеме вдоль реки и железной дороги. «Наложенная» на реалии Астаны, классическая Поточно-функциональная схема планировки города Н. Милютина (1930 г.) интерпретировалась как «Метаболический город – Линейное Зонирование» («Metabolic City – Linear Zoning»)» [4, с. 832]. В этом проекте нашел отражение ряд последовательно проводимых мастером в собственной практике идей «интеркультурализма» [5, с. 113]: уравнивание в правах целого и части; обратимость внешнего и внутреннего пространства; введение в структуру «третьего», промежуточного пространства между противоречащими друг другу элементами целого; нахождение или сочетание симбиотических элементов; подчёркивание роли детали.

Архитектурные проекты Кисе Курокавы, ставшие символом японского архитектурного метаболизма, представляют собой экспериментальное подтверждение оптимальной организации малого пространства для временного и постоянного проживания. Своеобразная архитектурная форма и процесс формообразования сам по себе оригинально присутствуют буквально в любом произведении мастера.

Список литературы

1. Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. Конец XVI начало XX вв / Л.Д. Гришелева М.: Издательство «Наука», 1986.
2. Иконников А.В. Зарубежная архитектура: От «новой архитектуры» до постмодернизма. Москва: Стройиздат, 1982.
3. Jencks Ch. The language of post-modern architecture. New York: Rizzoli, 1977.
4. Самойлов К.И. Архитектура Казахстана XX века (развитие архитектурно-художественных форм). Москва - Алматы: Мари-дизайн, 2004.
5. Курокава К. Архитектура симбиоза // Архитектура СССР, 1984. № 5. С. 108-113.
6. Kurokawa K. Metabolism in architecture. London: Studio Vista, 1977. С. 106-109.
7. University of Hong Kong, Department of Architecture. [Электронный ресурс], 2017. Режим доступа: <https://visuallexicon.wordpress.com/2017/10/11/the-pacific-tower-kisho-kurokawa/comment-page-1/> (дата обращения: 10.12.2020).